

Какой же вывод можно сделать, обобщая рассмотренные выше разные методологические подходы к изучению многонационального искусства СССР?

В каждом из них есть и уязвимая сторона, и определенная сила, перспективная жизнеспособность и логичность. Возможно, в идеале мы могли бы, не впадая в эклектичность, соединить в наших исследованиях эти различные методологические подходы, не упуская из виду и единство советского многонационального искусства, и особенности его развития на разных землях (в условиях союзных республик и автономий), и этническое своеобразие всех — больших и малых — народов СССР, выражающееся в их художественной культуре.

Примечания

¹ Сов. этнография. 1989. № 5. С. 3—15.

² Мы имеем в виду прежде всего рекомендованный для вузов учебник «История советского искусства. Живопись, скульптура. Графика» (Ч. 1—2. М., 1965—1968); двухтомник «Советское изобразительное искусство. 1917—1941» (М.: Искусство, 1977); то же 1941—1960 (М., 1981), а также капитальное издание «История искусства народов СССР» (Т. 1—9. М., 1971—1984).

³ «Мы» — на всех уровнях: зрители, воспринимающие это искусство; ученые, исследующие его природу в социологическом и эстетическом ракурсах, обобщающие исторический путь развития отечественной художественной культуры; сами художники, в наше время обычно «ведающие», что они творят, или, во всяком случае, стремящиеся осознать свою роль в развитии общесоветской, республиканской и национальной культуры; наконец, те наделенные административной властью инстанции, от которых все еще зависит организация музеев и формирование музейных фондов и экспозиций, издание трудов, планирование научных исследований и т. п.

⁴ Сарабьянов Д. Под знаком исканий (Живопись Советского Закавказья) // Искусство. 1972. № 7.

⁵ К числу таких редких исключений относилась Всесоюзная художественная выставка 1957 г., посвященная 40-летию Октябрьской революции, развернутая в помещении Центрального выставочного зала столицы (бывшего Манежа). Ее экспозиция строилась на четком членении выставочного пространства на 15 разделов по числу союзных республик, каждая из которых выступала даже под своим флагом.

⁶ Это была Всесоюзная художественная выставка «Мы строим коммунизм», посвященная XXVII съезду КПСС.

⁷ Ф. М. Шулунов, работавший в начале 1930-х годов в Бурятии, был одним из идеологов «единого потока» пролетарского, или социалистического, искусства, в котором не предусматривалось никаких национальных градаций и особенностей, вытекающих из «старых» традиций.

⁸ См. примеч. 2.

⁹ Ремпель Л. О старом и новом подходе к истории искусства Средней Азии // Искусство. 1972. № 2. С. 40.

¹⁰ Краткая художественная энциклопедия. Искусство стран и народов мира. Т. 1—5. М., 1963—1980.

¹¹ Эту перспективу четко сформулировал академик Ю. В. Бромлей в докладе на заседании Межведомственного совета по национальным проблемам при президиуме Академии наук СССР, 4 января 1990 г.

¹² Огонек. 1990. № 8. С. 5.

© 1991 г., СЭ, № 6

Н. С. Полищук

ОБРЯД КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

(на примере «красных похорон») *

Каждая общественно-экономическая формация, как известно, создает свою систему обрядов, социальная функция которых определяется прежде всего их содержанием, т. е. коллективными идеями, представлениями, образами, чувствами, находящими символическое воплощение в действиях участников обряда¹.

* В основу статьи положен доклад, подготовленный для III конгресса СИЭФ (Цюрих, 1987 г. См. примечание № 65).

Эта закономерность хорошо прослеживается при сравнении обрядов, сложившихся в разные исторические эпохи. Наиболее отчетливо она выступает в тех структурных элементах обрядов, которые тесно связаны с общественным бытом, изменяющимся под влиянием прежде всего политических, социально-экономических и культурных преобразований.

Цель настоящей статьи — на конкретном примере проследить обусловленность отдельных элементов русской похоронно-поминальной обрядности политической ситуацией в стране. Объектом исследования явился не изучавшийся до сих пор похоронный обряд, сложившийся в среде революционно настроенных русских рабочих и интеллигенции в годы первой российской революции (позднее он получил название «красные похороны»), а также коллективное поминовение жертв царизма.

Статья основана преимущественно на мемуарной литературе и материалах периодической печати исследуемого периода. В источниках, как правило, упоминаются следующие элементы новой похоронно-поминальной обрядности: прощание и вынос, траурная процессия к месту погребения (политическая демонстрация, манифестация), ее атрибутика, колористическая гамма и песенно-музыкальное сопровождение, траурный митинг на кладбище, коллективное поминовение погибших (панихида). Думается, это не случайно. Естественно предположить, что современники акцентировали внимание на тех элементах новой обрядности, которые в наибольшей степени отличались от привычного ритуала и ярче других отразили дух времени.

Известно, что общей закономерностью исторического развития обряда выступает взаимодействие двух основных тенденций: сохранение традиции и внесение новаций, главным образом за счет воспроизводства и закрепления существующих в обществе стереотипов коллективного поведения. Русская похоронно-поминальная обрядность, несмотря на отмечаемую всеми исследователями консервативность, никогда не была чем-то застывшим, неизменным. Однако принципиальные изменения она претерпела дважды: в X-XIV вв., когда на Руси в связи с принятием и распространением христианства утвердились новые, церковные похороны и панихиды, и в XX в., когда в ходе первой российской революции сформировался обряд так называемых гражданских похорон и панихид (правильнее было бы назвать их революционными).

Следует заметить, что, поскольку похоронно-поминальная обрядность традиционно рассматривалась как один из циклов семейной обрядности, более других сохранивший элементы древнейших народных верований и ритуалов, главное внимание при ее изучении уделялось выявлению и анализу имевшихся в ней отзвуков архаических верований и обрядов. Новации же, как правило, оставались вне поля зрения исследователей.

Судя по источникам, новый похоронный обряд (*похороны-демонстрации*) бытовал в двух вариантах. Для одного из них (*гражданские похороны*) был характерен полный отход от церковного ритуала, для другого (так называемые *полугражданские похороны*) — сочетание старого и нового — церковного и гражданского ритуалов.

Новый обряд (оба варианта) сформировался к осени 1905 года, начавшегося расстрелом безоружных рабочих 9 января в Петербурге («кровавое воскресенье») и закончившегося карательными «экспедициями» по всей России и жестким подавлением декабрьского вооруженного восстания московских рабочих. Жертвы царизма вызвали к отпущению, и церковный похоронный обряд, призванный примирить со смертью как неизбежностью и, облегчив боль утраты, успокоить, расслабить близких, вступал в известное противоречие с духом времени, требовавшим от всех активной жизненной позиции. На секуляризацию похоронного обряда, несомненно, известное влияние оказали присущее части рабочих индифферентное отношение к религии и, особенно, рост в их среде атеизма после «кровавого воскресенья». Но главную роль, на мой взгляд, сыграло произошедшее в ходе революции переосмысление назначения траурной процессии. Ее стали воспринимать как общественный обряд, призванный не только выразить скорбь по безвременно погибшим, но и продемонстрировать готовность продолжить дело павших. В дни репрессий, прокатившихся по всей России вслед за объявлением «Высочайшего манифеста» от 17 октября 1905 г., даровавшего на-

селению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»³, превращение траурной процессии в политическую демонстрацию (манифестацию), как и клятва продолжить дело павших, были характерны для похорон не только рабочих и революционеров, но и других жертв репрессий вне зависимости от их сословной принадлежности и социального статуса. Подтверждением сказанному могут служить, например, похороны демонстрантов, расстрелянных у городской тюрьмы Севастополя в ночь с 17 на 18 октября 1905 г., в которых по разным сведениям участвовало от 15 до 40 тыс. человек \ Среди убитых и умерших от ран здесь оказались люди самых различных профессий и званий — рабочие, матрос, солдат, гимназистка, ученик реального училища и др. Поэтому «в городе не было сколько-нибудь крупного предприятия или группы населения, которые не были бы официально представлены на похоронах». Траурная процессия протянулась на несколько верст *, и на всем ее протяжении несколько оркестров исполняли траурный марш, а несколько хоров пели революционные песни («Вы жертвою пали», «Варшавянку», «Марсельезу») ⁵. На кладбище, после того как тела опустили в могилу, было произнесено несколько «приличествующих случаю» речей. Особое впечатление на всех произвело прощальное слово лейтенанта П. П. Шмидта, призывавшего собравшихся «помянуть погибших братьев не столько молитвой о прощении и успокоении их душ, сколько словами любви и благодарности за их подвиг». В заключение П. П. Шмидт «потребовал от присутствующих клятвы, содержание которой, принятое единодушно и подтвержденное с силой и убеждением,— по мнению князя С. Урусова,— можно было считать выражением общего настроения толпы. "На могилах наших братьев поклянемся не уступать завоеванных прав", говорил Шмидт, и после его слов по всему кладбищу пронесся гул нескольких тысяч голосов, ответивших: "клянусь! клянемся!". Так же точно,— пишет С. Урусов,— клялись "положить жизнь за свободу" и "работать на пользу и просвещение темного и неимущего люда". Было произнесено еще несколько клятв, повторявших обычные в то время пожелания и принципы, но... все эти примелькавшиеся на страницах газет и повторявшиеся на все лады во время митингов и собраний общие места приобретали в устах Шмидта особенно торжественный смысл, действительно соответствовавший их серьезному и важному содержанию» . Следует сказать, что с этого дня имя лейтенанта Шмидта приобрело в Севастополе широкую популярность, и он стал кумиром севастопольского демократически настроенного населения. Похороны же, во время которых среди толпы то и дело слышалось: «не страшно умирать за свободу... если знаешь, что тебя будут хоронить с таким почетом», по утверждению одного из их участников, «укрепили в городе революционное настроение»⁷.

Своеобразным эталоном гражданских похорон периода первой российской революции стали проводы в последний путь видного деятеля революционного движения Н. Э. Баумана, убитого черносотенцем 18 октября 1905 г. Траурная процессия, растянувшаяся на несколько километров, прошла по маршруту: Немецкая улица, Елоховская, Басманная, Мясницкая, Театральная площадь, Никитская улица, Кудринская, Б. Пресня, Ваганьковское кладбище.

«Перед гробом и за ним...,— писал современник,— образовалось шествие с тысячами красных флагов " и двухсоттысячной, стройно рядами идущей толпой. Впереди несли надпись: "Охраняйте порядок, граждане!" за нею надписи: "Долой самодержавие!" — "Требуем учредительного собрания!" — "Да здравствует революционное правительство и демократическая республика!" и т. д. и т. п.

³ Во главе ее верхом на лошади ехал один из «народных представителей» (адвокат), выполнявший функции «заведующего милицией». За ним шли оркестры солдат и матросов, далее «городская дума» и «народные представители» в полном составе, с красными ленточками в петлицах. Следом ехали колесницы, «доверху покрытые венками с революционными надписями на лентах», а за ними несли раскрытые гробы с убитыми, сопровождаемые родственниками и близкими, за которыми шли бесконечные делегации. (Левцкий В. О. Октябрьские дни 1905 года в Севастополе//Былое. 1925. № 4. С. 102—103)

Здесь и далее во всех цитатах курсив мой.— Н. П.

Потом несли венки,— громадные, роскошные, и маленькие, скромные, на высоких палках,— *все с алыми лентами*, все в стройном порядке, и *все окруженные красными флагами*...

Перед гробом несли слегка наклоненное знамя социал-демократической партии. Потом следовала *красная крышка гроба* и сам *гроб, обмотанный кроваво-красным покровом с белыми надписями*...

За гробом отрядами, по цехам, идут рабочие с *красными флагами*. Их число беспрельдно и *их флаги сливаются в один несказанно величественный красный поток* вместе с неумолкаемым пением: "Вы жертвою пали в борьбе роковой"..."⁸.

Существует огромное количество описаний похорон Н. Э. Баумана, но, пожалуй, зрительный образ их наиболее ярко воспроизвел поэт-символист Андрей Белый, наблюдавший траурное шествие, стоя в начале Охотного ряда.

«... от Лубянской площади, точно от горизонта, что-то побагрянело; заширяясь, медленно текло к Метрополю; *ручей становился алой рекою*: без черных пятен; когда голова процессии вступила на Театральную площадь, *река стала торчем багряных — знамен, лент, плакатов*: среди черных, уже обозначенных пятен пальто, шуб, шапок, манджурок, вцепившихся в древки рук, котелков; рывнуло хорами и оркестрами; голова процессии сравнялась с нами...

...с Лубянки, как с горизонта, выпенивалась река знамен: *сплошную кровью*; невероятное зрелище... сдержанно, шаг за шагом, под рощей знамен, шли ряды взявшихся под руки мужчин и женщин... За рядом ряд; за десятком десятков людей, как один человек; ряд, отчетливо отделенный от ряда,— *одна неломаемая полоса, кровавящаяся лентами, перевязями, жетонами*; и даже: котелком, обтянутым кумачом; ... по бокам — *красные колonoвожатые*...

Банты, перевязи, плакаты, ленты венков; и знамена, знамена, знамена... Вышел впервые на улицы Москвы рабочий класс...

... проплыл *покрытый алым бархатом гроб под склонением алого бархатного знамени*... за гробом отдельно от прочих, шла статная группа — солдат, офицеров с *красными бантами*; и — гроба нет; ... от Лубянской площади — та же река знамен!"⁹.

Как видно из приведенных описаний, в траурной процессии, сопровождавшей к месту захоронения Н. Э. Баумана, доминировал красный цвет — символ жизни, борьбы, независимости, революции¹⁰ и символ крови, пролитой в борьбе за освобождение от ига самодержавия, от пут капитала. В среде рабочих на первый план выступает вторая трактовка красного цвета. Достаточно вспомнить хотя бы рефрен одной из популярнейших песен русского пролетариата — «Красного знамени»:

Над миром наше знамя веет,
Оно горит и ярко рдеет,
То наша кровь горит огнем,
То кровь работников на нем.

В октябре 1905 г. в Екатеринославе во время похорон жертв еврейского погрома и их защитников, участие в которых принимал весь город, за исключением «разве крупной буржуазии, офицеров и чиновников»^a, был своеобразно материализован красный цвет — как символ крови:

«Впереди всех венков, тотчас же вслед за гробами шел коренастый рабочий в высоких сапогах. За ним на трех палках несли длинную красную тряпку. Это был кусок окровавленной марли, которой перевязывали раны одного из погибших... "Это не простая красная тряпка, товарищи",— звонким металлическим голосом кричал рабочий,— "это кровь наших братьев, павших в борьбе за народную свободу!" ... И его голос резкой, звенящей нотой прорывался среди общего звукового хаоса, и зловещая эмблема, подымавшаяся над его головой, и жуткий, сразу непонятный смысл его слов заставляли болезненно вздрагивать и сжиматься сердце... А возглас все повторялся и повторялся, и чем более резким

и хриплым становился голос кричавшего, тем мрачнее и угрюмее становились лица толпы»¹².

Введение в колористическую гамму траурной процессии красного цвета было характерно как для гражданских, так и для полугражданских похорон. Обязательными атрибутами тех и других стали красный гроб (как правило, обитый простым кумачом), иногда — красное покрывало или то и другое, красные флаги и лозунги, красные ленты на венках. Достаточно широко были распространены также различные нагрудные знаки красного цвета (банты, розетки, цветы), красные перевязи, красные (реже черные или красные с черным) нарукавные и красные же головные повязки, а также ленты на шапках (последние — редко).

Красный цвет иногда встречался и в одежде (красные рубашки) не только участников похорон-демонстраций, но и покойников. Мне известны лишь три таких случая, но думаю, их было значительно больше. В красные рубашки были одеты некоторые участники похорон Л. Стабровского, члена РСДРП, учителя ашхабадской женской гимназии, умершего в местной тюрьме¹³. В Москве одна из работниц Прохоровской мануфактуры (сестра милосердия в дружине), выполняя желание мужа-дружинника, расстрелянного после подавления декабрьского вооруженного восстания на Пресне, обрядила его в красную рубашку, хотя ни о каких похоронах-демонстрациях в это время уже не могло быть и речи. Впрочем, возможно потому и надела она на него красную рубаху, чтоб продемонстрировать верность идеям революции? В Орехове-Зуеве «красная смертная одежда» дружиннику П. Черепнину, погибшему от казацкой пули в конце ноября 1905 г., была специально сшита молодыми работницами (по всей вероятности по решению организаторов похорон или по инициативе дружинников).

Подобное нововведение в ритуальной одежде вызвало известные нарекания со стороны священника (в Москве) и некоторых участников похоронной процессии (в Орехове-Зуеве). Когда в церковь на Пресне рабочие принесли мужа Е. Салтыковой, священник обратился к ней с упреком: «Что ты его одела в красную рубашку, как разбойника»¹⁴. (По-видимому, красная рубашка ассоциировалась с бунтарством?). Несколько иной была реакция в Орехове-Зуеве, где на гражданские похороны дружинника пришло много крестьян из ближайших деревень. В ожидании выноса «толпа, — по свидетельству очевидца, — гудела. Шли разговоры: как его, крещеного человека будут хоронить без попа, да примет ли его земля, одетого в красную одежду. Раздавались соболезнования, возмущения...»¹⁵.

В связи с этим небезынтересно отметить, что красный цвет в оформлении траурной процессии, также противоречивший традиции, не вызывал негативной реакции, что, видимо, объяснялось разным отношением к отдельным структурным элементам похоронного обряда, бывшего явлением как общественного (проводы на кладбище, отпевание, произнесение надгробных речей), так и семейного (обмывание, одевание, оплакивание) быта. Общественный быт, не скованный столь жестко традицией, как семейный, был достаточно гибким, открытым для новаций в духе времени. Семейный же быт, отличавшийся большим консерватизмом, был менее подвержен всякого рода новшествам, вызывавшим резкое противодействие, особенно со стороны представителей старшего поколения. Хранители старины, они строго следили за соблюдением традиций отцов и дедов, что, видимо, было обусловлено и верой в тесную связь живых и мертвых (в случае несоблюдения предписанных обычаев правил мертвые могут лишиться живых своего покровительства), и заботой о создании для умерших наилучших условий в загробном мире.

Традиционная цветовая гамма траурных процессий в селе и в городе тоже была контрастной, но более спокойной, так как контраст этот создавался за счет сочетания светлых и темных тонов. Одежда провожающих, как правило, была темной (предпочтение отдавалось черной). Похоронные атрибуты могли быть светлыми. В сельской местности они обычно были естественного белого цвета: некрашеные гроб, полотенце или кусок холста на иконе, открывающей процессию, полотенца или новины, на которых несли гроб¹⁶. Похоронные атрибуты в городе были значительно разнообразнее и богаче: траурная колесница (катафалк) с балдахином и факельщиками в длинных пальто и цилиндрах белого или черного цвета, такие же попоны на лошадях; венки из живых и искусственных цветов (в том числе фарфоровых), а также серебряные, металлические, из бисе-

ра и др. венки с белыми, черными, синими лентами с надписями; гирлянды из зелени и цветов, букеты и т. п. За счет цветов, венков, букетов и гирлянд цветовая гамма траурной процессии в городе была менее строгой, чем в селе, но всегда приглушенной. Количество и разнообразие, цвет, наконец, качество атрибутов зависели от возраста, пола, социального статуса, общественного признания покойного, а также, разумеется, от достатка его семьи. Поэтому на одних похоронах можно было увидеть обитый серебряным глазетом, бархатом, сукном, шелком гроб на богатой колеснице под парчовым (золотым или серебряным) балдахином и таким же покрывом, а на других — обычные дроги вместо катафалка, простой некрашеный гроб, старые грязные попоны на лошадях и полное отсутствие цветов, венков, гирлянд и прочих «украшений»¹⁷.

В России красные ленты на траурных венках были не только нарушением традиции, но и свидетельством «неблагонадежности» как принесших венки, так и покойника. Не случайно на похоронах Г. И. Успенского (март 1902 г.) пристав Александр-Невской части Пирамидов, известный «по наблюдению за рабочими заводов за Невской заставой и усмирению забастовщиков»¹⁸, по словам брата писателя, «отмечал... цвет венков и лент, особенно привлекали его внимание красные»¹⁹. Спустя пять лет на похоронах участника Декабрьского вооруженного восстания на Пресне владельца мебельной фабрики студента Московского университета члена РСДРП Н. П. Шмита красные ленты на венках от рабочих и друзей по просьбе деда покойного (известного текстильного фабриканта В. Т. Морозова) были заменены белыми. Правда, одно красное «пятно» на этих похоронах все же было: за гробом несли букет красных роз, перевязанных лентой с надписью «Дорогому товарищу от товарищей-бутырцев». Два венка были конфискованы полицией²⁰. Эти два примера — лишнее свидетельство того огромного значения, которое придавалось символике траурной атрибутики общественных похорон.

По «торжественному обряду» (гражданскому или полугражданскому) хоронили преимущественно жертв царизма (как уже отмечалось, не только рабочих). Инициатива проведения похорон-демонстраций обычно исходила от соратников по борьбе. Так, например, инициаторами торжественных похорон токаря красноярских железнодорожных мастерских Чальникова (август 1905 г.) выступили местный комитет РСДРП и «кружководы»²¹, а похорон рабочего Воробьева и кондуктора Доценко, смертельно раненных карателями во время разгона митинга забастовщиков на станции Зима Иркутской губ. (октябрь 1905 г.), — стачечный комитет депо²². Всколыхнувшие всю Россию похороны Н. Э. Баумана были организованы Московским комитетом РСДРП²³, похороны орехово-зубовского дружинника П. Черепнина — Орехово-Зуевским Советом депутатов и представителями окружного комитета РСДРП²⁴, а коломенских рабочих, убитых казаками и черносотенцами при разгоне мирной демонстрации (декабрь 1905 г.), — Коломенским Советом рабочих депутатов²⁵. Решение о торжественных проводах в последний путь царицынских рабочих Федулова и Летюхина, погибших при разгоне первомайской демонстрации (1906 г.), было принято многочисленным собранием жителей Царицына (предварительно вопрос этот обсуждался в городском комитете РСДРП).

Инициаторы и организаторы похорон (чаще всего — специальные комиссии) разрабатывали траурный ритуал, определяли порядок и маршрут шествий, оповещали о дне похорон, времени и месте выноса, обеспечивали охрану траурной манифестации от возможных нападений и провокаций со стороны черносотенцев, казаков, полиции. Они же заботились и о создании материальной базы похорон: заказывали гроб, покров, венки; организовывали изготовление таких обязательных атрибутов похорон-демонстраций как знамена, лозунги, красные банты, цветы, ленты, повязки и перевязи для распорядителей и участников траурных шествий, а иногда — и шитье «смертной» одежды; проводили сбор денег на похороны и для семей погибших.

Решающее слово при выборе ритуала похорон принадлежало родственникам покойного. Далеко не все из них (особенно женщины и старики-родители) соглашались на похороны без церковного обряда. Чаще всего предпочтение отдавалось полугражданским похоронам. Соотношение же в них элементов церковного и гражданского ритуалов, а также формы и степень участия в похоронах служи-

телей культа были различными, отражая, видимо, как разную степень отхода от религиозного обряда родных погибших (умерших), так и отношение священнослужителей к подобным похоронам. В одних случаях, например, во время первых в 1905 г. похорон жертв царизма, состоявшихся 12 января в Петербурге, участие духовенства в похоронах-демонстрации ограничилось отпеванием части рабочих до выноса⁷. В других, и таких очевидно большинство,— в соответствии с традицией священник сопровождал покойника (покойников) до могилы. Порой по просьбе родных и близких по дороге к кладбищу он несколько раз служил литии, называемые в народе пятачковыми (по их стоимости) или малыми панихидами

Во время полугражданских похорон траурная процессия иногда представляла собой несколько необычное шествие, как, например, на похоронах двух жертв карателей на ст. Зима Иркутской губ. Там «за крышками и венками впереди шел поп с хором, за ними хор рабочих — человек пятьдесят-шестьдесят, потом несли два красных гроба, за которыми на версту растянулась черная лента провожающих; когда пел церковный хор с попом,— вспоминал один из участников похорон,— наш хор, конечно, молчал; лишь только поп кончал свое пение, наш хор начинал "Вы жертвою пали в борьбе роковой", церковные хористы подпевали»²⁹. Почти у всех забастовщиков на груди были приколоты изготовленные к этому дню красные розы и банты, гробы были покрыты живыми цветами и венками, а на кладбище состоялся митинг, затянувшийся до глубокой ночи. Перед спуском тел в могилу рабочие торжественно поклялись продолжать дело революции до полной победы над царизмом

14 октября 1905 г. «весь Харьков» хоронил 14 рабочих — участников политической забастовки, убитых черносотенцами 10-12 октября. Похороны проводились за счет города по требованию «Комитета борьбы». Накануне в Харькове было введено военное положение. Однако, учитывая настроение горожан, губернатор разрешил общественные похороны, но запретил нести красные флаги и революционные лозунги. Тогда их функции стали выполнять *«громadne красные ленты»** с соответствующими надписями, развевавшиеся на многочисленных венках. К тому же *каждый гроб был покрыт кумачом*, а на рукавах некоторых участников шествия были *повязки из красных и черных лент*. Таким образом, несмотря на запрет губернатора, траурная манифестация все равно была «красной». Судя по источникам, священник с хором сопровождал покойных до могилы, но во время шествия церковный хор, видимо, пел мало. Зато «оркестр музыки, составленный из рабочих, всю дорогу играл похоронный марш. Хор не переставал петь "Вы жертвою пали в борьбе роковой"»³¹. Впрочем, поскольку шествие было «грандиозным», не исключено, что в его голове, середине и хвосте могли одновременно звучать разные мелодии. Кстати, именно во время этих похорон рабочие, по словам одного из их участников, «во всей своей массе в первый раз научились петь революционные гимны. Обнаружилось, что не только рабочие, но даже и интеллигенты, сочувствовавшие революции, за редкими исключениями, не знали революционных гимнов. Мне,— писал он спустя годы,— в числе других организаторов похорон пришлось поэтому бегать вдоль отдельных больших отрядов, на которые была разделена масса пришедших на похороны, писать на спинах товарищей слова революционных гимнов, затем напевать мо-

Эти похороны еще не были «красными». Убитые лежали в деревянных некрашеных гробах, не было красных знамен, лозунгов, лент, цветов и пр. Но над многотысячной толпой провожающих вместо церковных песнопений звучал революционный похоронный марш «Вы жертвою пали в борьбе роковой». По всей вероятности, эти похороны-демонстрация в те тревожные дни были единственными в Петербурге. По словам одного из современников, «Только очень и очень немногим "по протекции" разрешено было взять своих покойников из больницы; остальным обещали выдать мертвецов в понедельник, но когда те явились за ними утром — мертвецкая и сарай были уже пусты; полиция, чтобы избежать новых манифестаций, в ночь вывезла всех на Преображенское кладбище и похоронила в общих могилах; кто где зарыт — неизвестно...» (Минцлов С. Р. Дневник. [14 января 1905 г.] // Голос минувшего. 1917. № XI—XII. С. 20).

Наряду с рабочими в похоронах участвовали «депутации: от профессоров, инженеров, врачей, адвокатов, студентов, учащихся средних школ, артистов...». Не было «только думы — представительницы города». (Львов-Рогачевский В. Октябрьские дни 1905 года в Харькове (Из дневникам/Каторга и ссылка. 1925. № 6. С. 102).

тив и, после того как передовая часть этого отряда усваивала и начинала уже петь данную революционную песню, бежать дальше. Таким образом толпа выучила сначала "Вы жертвою пали в борьбе роковой", затем и другие революционные гимны..."³².

На кладбище после завершения церковного ритуала начались «гражданские похороны»: были развернуты расшитые шелком черные и красные знамена и «все кладбище вместе с оркестром и хором запело "Вы жертвою пали"». Затем было произнесено несколько речей, после чего гробы по два в ряд опустили в могилы³³.

Несколько по-иному прошли в начале ноября 1905 г. полугражданские похороны рабочего-текстильщика, члена партийного кружка одной из серпуховских фабрик, умершего после неудачной операции. Видимо, к концу 1905 г. в рабочей среде появилось стремление провожать в последний путь «по примеру похорон Баумана» уже не только жертвы погромов и репрессий, но и передовых рабочих вне зависимости от причин их смерти. В полугражданских похоронах в Серпухове участвовало, по свидетельству «Московской газеты», более полутора тысяч рабочих³⁴.

Церковный и гражданский ритуалы на них были строго разграничены. Священник прошел с траурной процессией только часть пути — от фабрики «Новая мыза» до церкви Богоявления. От больницы же до фабрики и от церкви до кладбища процессия шла без священника. В ней не было ни флагов, ни лозунгов*. На гроб умершего был возложен венок с надписью на красной ленте «Борцу за свободу — серпуховская группа Московской окружной организации РСДРП». Вокруг гроба была образована цепь из вооруженных дружинников. После погребения у могилы состоялся траурный митинг, на котором выступили пять рабочих. Завершились похороны исполнением «Похоронного марша». А затем с пением революционных песен все отправились к фабрике и оттуда разошлись по казармам³⁵. Сообщая об этих «небывало-торжественных похоронах», «Московская газета» писала: «Это первые многолюдные похороны в Серпухове, и они еще раз подтверждают, что ни богатство, ни положение в городе не могут сделать того, что делает пробуждающееся классовое самосознание русского пролетария»³⁶. Возможно, именно в этом — в пробуждении классового самосознания рабочих, осознании ими своей роли в обществе и себя как личности и была одна из важнейших социальных функций похорон-демонстраций 1905 года?

Практически обязательным структурным элементом траурного шествия-манифестации, особенно в больших городах, была *живая цепь*, отделявшая процессию, шедшую по мостовой, от зрителей, стоявших на пути движения колонны, и следившая за поддержанием порядка³⁷. Если опасность провокации или нападения была велика, то создавалась двойная цепь³⁸. Обычно ее составляла молодежь, а в октябрьские и ноябрьские дни 1905 г. — и дружинники. Как правило, живая цепь окаймляла всю процессию и двигалась вместе с ней³⁹.

И гражданские и полугражданские похороны завершались траурным митингом у свежей могилы. Расходились с кладбища обычно с пением революционных песен.

Одна из первых попыток (а, возможно, и первая) произнести при погребении рабочих прощальную речь политического характера была предпринята в Петербурге еще зимой 1877 г. рабочим Василеостровского патронного завода на похоронах своих товарищей, погибших от взрыва пороха. Правда, ему удалось произнести всего одну фразу: «Господа... Мы сегодня хороним шесть жертв, убитых не турками (в это время шла русско-турецкая война. — Н. П.), а попечительным начальством...», после чего оратора попытались арестовать. Но он «в одно мгновение ока... был куда-то далеко унесен нахлынувшей рабочей волной»⁴⁰. Позднее, уже в начале 900-х гг., похороны жертв несчастных случаев на производстве, а также борцов за рабочее дело сопровождалась не только политическими

* Красные флаги и лозунги могли отсутствовать и потому, что покойник не был «жертвой паризма», и из опасения провокаций со стороны черносотенцев и полиции.

речами у свежих могил, но и исполнением революционных песен небольшими группами рабочих, порознь возвращавшихся с кладбища⁴¹. Однако эти новации в похоронном обряде до революции 1905 г. не получили широкого распространения в среде рабочих. Обязательным же структурным элементом его они стали лишь в 1905 году.

Столь же обязательными компонентами нового похоронного обряда были и надписи на флагах, лозунгах и лентах венков, подчеркивающие политический характер траурной процессии и выражающие солидарность с погибшими. Так, по сообщению начальника Саратовского губернского жандармского управления, на упоминавшихся уже похоронах двух царицынских рабочих несли черные и красные флаги с надписями: «Слава погибшим за свободу», «В борьбе ты обрешь право свое», «Вы жертвою пали в борьбе роковой» и др. Среди надписей на лентах 17 металлических венков, которые несли рабочие, были: «Спите спокойно — месь впереди», «...павшим от рук палачей», «...жертвам произвола и насилия»⁴². На похоронах четырех ярославских текстильщиков, убитых казаками в декабре 1905 г., железнодорожники несли знамя с надписью «Жертвам царской свободы»⁴³. Белые ленты венков (о них уже шла речь ранее), сопровождавших в последний путь Н. П. Шмита, изобиловали такими надписями как «Самостоятельному борцу за свободу», «Гражданину-мученику», «Пусть ты погиб, товарищ, но не умерла идея» и т. п., хотя похороны эти состоялись уже в феврале 1907 г. и проходили под бдительным оком московской полиции, которая «усердно срывала ленты с подобными надписями»

К сожалению, имеющиеся в моем распоряжении материалы освещают преимущественно обрядовый комплекс, связанный с выносом, проводами на кладбище и погребением. Об обрядовых действиях, предшествовавших выносу, в них упоминается крайне редко. Возможно, это в известной мере объясняется тем, что вынос чаще всего совершался из больниц (моргов), куда по распоряжению властей свозили раненых и убитых. Но даже те скудные сведения, которыми я располагаю, дают основания говорить о стремлении придать торжественность и гражданское звучание и традиционному ритуалу прощания с покойным.

В день гибели Н. Э. Баумана в актовом зале Высшего технического училища, куда перенесли его тело, состоялся многотысячный митинг⁴⁵. Затем в течение двух дней мимо гроба, покрытого красным знаменем, шли люди, отдавая последний долг революционеру, смерть которого всколыхнула всю Москву⁴⁶. В октябре того же 1905 г. рабочие петербургского арматурного завода гроб с телом своего товарища — депутата Петербургского Совета, погибшего от рук черносотенцев, установили в цехе, где работал покойный (на возвышении рядом со станками). У «потонувшего в цветах» гроба, в изголовье которого находилось красное полотно с надписью «Жертва без гарантий», рабочие несли траурную вахту⁴⁷. Весь вечер и всю ночь накануне похорон стоял почетный караул и у гроба орехово-зுவского рабочего-дружинника. В изголовье гроба, помещенного на сушилке одной из морозовских казарм, сидела мать погибшего. Рабочие, по традиции приходившие прощаться с товарищем (*смотреть покойного*) низко кланялись ему, а многие «по старинному обычаю» клали на гроб деньги на похороны⁴⁸. Аналогичным образом были собраны деньги и на похороны пресненского дружинника. «Денег у меня не было, — вспоминала его жена, — думаю, как я буду его хоронить. Но тут рабочие и работницы "Прохоровки" помогли: приходили они *смотреть* моего мужа и клали ему на грудь деньги, кто сколько мог. Только так я и смогла его похоронить»⁴⁹.

Характерной чертой похорон-демонстраций периода первой российской революции были общность ритуала, колористической гаммы и музыкального (песенного) сопровождения траурной процессии практически на всей территории России, что объяснялось социальной функцией этих похорон, носивших ярко выраженную политическую окраску. В похоронах-демонстрациях на первый план выступал протест против насилия (репрессий), т. е. общее, а не особенное (этническое, конфессиональное) и именно поэтому их ритуал стал практически общероссийским⁵⁰. Этническую, точнее конфессиональную, окраску им придавало участие в траурном шествии служителей культа (полугражданские похороны) и захоронение на разных кладбищах (в соответствии с конфессией покойных).

Впрочем, иногда в общей могиле (братской) хоронили лиц разного вероисповедания.

Траурные шествия в городах с разнотническим населением, как правило, были полиэтническими. Так, в многотысячных процессиях, провожавших в последний путь жертв расстрела мирной демонстрации в Риге (январь 1905 г.), бок о бок шли латыши, русские, евреи⁵¹. В похоронах рабочего Кренгольмской мануфактуры (Нарва), убитого во время волнений 1905 г., участвовали и русские, и эстонцы⁵², а в похоронах учителя Людвиг Стабровского (Ашхабад) — русские, армяне, поляки, евреи. В траурной манифестации в Нарве революционные марши и гимны исполнялись русским и эстонским хорами, а в Ашхабаде — русским и армянским.

Порой в полиэтнической траурной процессии участвовали и служители разных культов, что можно рассматривать как свидетельство подлинного гуманизма и веротерпимости отдельных представителей духовенства. Так, например, в процессии, провожавшей к братской могиле 26 жертв расстрела мирной демонстрации во Владивостоке (январь 1906 г.) католический ксендз шел рядом с православными священниками, а «лютеранская кирха отозвалась на общий траур печальным звоном колокола». На упоминавшихся уже похоронах жертв еврейского погрома в Екатеринославе «за целым рядом гробов, сопровождаемых русским духовенством, шли еврейские гробы с хором синагогальных певчих, а за ними тянулся лес венков и знамен»⁵⁵.

Образцом для похорон-демонстраций 1905 г., на мой взгляд, послужили так называемые «гражданские» (*общественные, литературные*) похороны известных русских писателей, поэтов и публицистов XIX в., ритуал которых сформировался в последнюю четверть прошлого столетия. Первыми «невиданными... и по многолюдству и по внешнему виду»⁵⁶ были похороны Н. А. Некрасова (декабрь 1877 г.). Именно на них впервые была нарушена традиционная структура траурной процессии: священник — колесница с покойным (или гроб на руках) — провожающие⁵¹. На похоронах Н. А. Некрасова процессию «стихийно» возглавила толпа молодежи с несколькими громадными венками, «украшенными надписями», всю дорогу певшая «Святой боже». За венками и хором несли гроб, за ним шли родственники Н. А. Некрасова, литераторы и многочисленные почтителы его таланта — интеллигенция и «простолюдины». На этих похоронах, возможно, впервые в Петербурге охрану порядка взяли на себя участники шествия. Отказавшись от услуг полиции, «студенты и профессора, взявшись за руки, образовали длинную цепь» вокруг гроба и венков⁵⁹, защищая их от любых посягательств извне. На похоронах Ф. М. Достоевского (февраль 1881 г.) аналогичная цепь охватывала уже едва ли не все шествие. И. Ф. Тюменев, в то время обучавшийся в Академии художеств, впоследствии вспоминал: «У Владимирской церкви... я... *встал в цепь* вместе с двумя другими нашими учениками и все время до Лавры *шел уже боком, держась за руки с соседями*. Вокруг самого гроба род цепи составляли гирлянды из еловых ветвей, которую несли на палках как один громадный венок, окружавший и гроб, и провожающих...»⁶⁰. Две цепи — по обе стороны процессии образовала молодежь и на похоронах Г. И. Успенского⁶¹.

«Гражданские» (литературные) похороны совершались по православному обряду. Но присущие им особая торжественность, многолюдство, широкое участие учащейся молодежи и представителей разных сословий, включая и демократические слои городского населения (в том числе и рабочих), делали их ярким явлением общественной жизни России.

Характеризуя «гражданские» похороны 1880-х гг., литератор Г. К. Градовский писал: «Зелень и цветы венков, несомых впереди, придавали особую красоту и величавость процессии. Цветы красноречия у могилы выясняли смысл этих манифестаций, значение творчества, общественной и политической деятельности писателя. Кладбища обращались иногда в трибуну»⁶².

Особенно близки к ним были «демонстративные похороны жертв революции» в Севастополе, о которых шла речь в начале статьи.

Гражданское, политическое значение общественных похорон последней четверти XIX столетия пожалуй лучше всего раскрыто в прокламации «15 апреля 1891 года. По поводу демонстрации на похоронах писателя Шелгунова». Авторами прокламации были два студента Петербургского университета. «Похороны,— писали они,— давно уже стали единственным моментом, когда читатели публично чтут своих учителей, публично выражают свою солидарность с их идеалами и тем самым *оказывают нравственную поддержку живым деятелям*».

Думается, что именно выражение солидарности с погибшими, присяга на верность их идеалам были главным предназначением и похорон жертв царизма в 1905 году. Но наряду с этим в них, на мой взгляд, присутствовал еще один момент, сближающий похороны-демонстрации первой российской революции с «гражданскими» (литературными) — утверждение права личности, а не должности или сословия на общественное признание и торжественные проводы в последний путь.

Похороны-демонстрации 1905 г., мне кажется, можно рассматривать как следующий этап в развитии «гражданских» похорон, как их дальнейшую демократизацию. Трагические события 1905 г. придали «гражданским» похоронам ярко выраженную политическую окраску. А это закономерно привело к изменению колористической гаммы и песенно-музыкального сопровождения траурной процессии, к появлению в ней знамен и лозунгов революционного содержания и других компонентов, не свойственных ни «гражданским» (литературным), ни городским, ни сельским похоронам, но присущих общественному быту передовых рабочих и революционно настроенной учащейся молодежи уже с конца XIX в. Став в 1905 г. массовым явлением, митинги, красные флаги, революционные лозунги и песни⁶⁴ органично вошли в ритуал похорон-демонстраций (гражданских и полугражданских), превратив их в грандиозные демонстрации протеста против произвола самодержавия.

* * *

Своеобразный сплав традиционного (церковного) и нового (гражданского) ритуалов представляли собой и «рабочие» панихиды по жертвам царизма (коллективные поминовения), обязательно заканчивавшиеся исполнением «Похоронного марша», а часто и других революционных песен⁶⁵. Как правило, их устраивали после молебнов, проводившихся на территории предприятий по инициативе владельцев, и крайне редко — в церкви. Так, например, в Екатеринославе в мае 1905 г. панихиды по рабочим, погибшим 9 января в Петербурге, состоялись после молебнов по случаю цеховых праздников. «Почти всюду,— по словам Г. И. Петровского,— *попы сопротивлялись*, но рабочие настаивали, и под их угрозами попы вынуждены были все-таки панихиды служить, а затем рабочие пели революционную песню "Вы жертвою пали в борьбе роковой"»⁶⁶. В Москве осенью 1905 г. аналогичная панихида в типографии Сытина была проведена после молебна по случаю закладки нового корпуса⁶⁷, а в типографии Т-ва Мамонтова — после панихиды по ее основателю. Здесь по окончании молебна «по павшим в борьбе за свободу» один из рабочих произнес «соответствующую случаю речь» и в заключение присутствующие дважды пропели «Похоронный марш». Во время этой панихиды «надо всеми развевалось красное знамя с надписью "Да здравствует социализм!"» 9 января 1906 г. рабочие Новониколаевска после траурного митинга, посвященного годовщине «кровавого воскресенья» направились в ближайшую церковь, чтобы отслужить панихиду по жертвам царизма. «Вся масса со знаменами * и марсельезой,— вспоминает один из участников,— двинулась к железнодорожной церкви... Откуда-то притащили попа, и сколько он ни упирался, ему не помогло... <он> начал служить панихиду, поминая "в междоусобной брани погибших"».

— Нет, батя, ты пой "царем невинно убиенных!" — говорили рабочие»⁶⁹. Из церкви они расходились с пением «Марсельезы», «Варшавянки» и «Дубинушки».

Знамена, красные и черные (с различными лозунгами), были сшиты работницами специально к этому дню.

Отказ многих священников от проведения панихид по жертвам царизма, очевидно, в значительной мере объяснялся нежеланием вступать в конфликт с местными властями. По крайней мере такой вывод напрашивается после знакомства с некоторыми сообщениями с мест, опубликованными в конце 1905 г. в казанской газете «Волжский вестник». Так, например, священник села Малого Толкиша Чистопольского уезда Казанской губ. в конце октября 1905 г. отказался служить панихиду по павшим борцам потому, что «ему не приказано о таких людях молиться». Когда крестьяне обратились к нему вторично, «он снова отказался, указывая, что нет предписания, хотя его совесть и не запрещает этого»⁷⁰. Законоучитель промышленного училища в Казани, оказавшись в подобной ситуации, мотивировал свой отказ ссылкой на запрещение полиции⁷¹. Протоиерей собора в г. Мензелинске Уфимской губ. отказался служить панихиду «по убитым на улицах Петербурга» без объяснения причин⁷².

Можно предположить, что позиция священнослужителей в не меньшей, а, возможно, и в большей степени, чем вызванный расстрелом рабочих 9 января рост атеизма в их среде, способствовала широкому распространению гражданского ритуала поминовения павших в борьбе с царизмом, в 1905-1906 гг. завершавшего большинство собраний и митингов рабочих. Кульминационным моментом его было исполнение ставшего ритуальным «Похоронного марша», которому всегда предшествовало предложение почтить память павших в борьбе за свободу. Когда подобный призыв в ноябре 1905 г. прозвучал на митинге рабочих машиностроительного завода «Бр. Э. и Ф. Бромлей» в Москве, то «собрание обнажило головы, спело три раза "Вы жертвою пали", "Марсельезу" и "Варшавянку"»⁷³. На ситценабивной фабрике Эм. Цинделя в аналогичной ситуации все присутствующие также обнажили головы, затем во многих местах появились красные знамена с надписями и дружно были подхвачены «Вы жертвою пали» и «Марсельеза»⁷⁴. Летом 1906 г. громким, стройным исполнением «Похоронного марша», огласившего окрестности Кинешмы, отдало дань уважения павшим за свободу собрание рабочих фабрики «Томна»⁷⁵. Число примеров можно увеличить. Но и приведенные достаточно убедительно, на мой взгляд, свидетельствуют о том, что в 1905 г. в среде русских рабочих под воздействием политической ситуации сформировался новый ритуал поминовения усопших. Коллективные поминовения жертв царизма и павших борцов за свободу, как и похороны-демонстрации, бытовавшие в двух вариантах: в сочетании с церковным ритуалом и в полном отрыве от него (значительно чаще), несли на себе яркую печать времени.

• * *

Этой статьей мне хотелось бы привлечь внимание читателей журнала к до сих пор еще мало изученному общественному быту российских городов начала XX в., оказавшему значительное влияние на развитие городского и сельского быта народов России в последующие годы. К сожалению, при изучении послеоктябрьского периода большинство исследователей, как правило, недостаточно учитывают процессы, происходившие в общественном быту этих народов в период капитализма, что, мне кажется, методологически неверно. При таком подходе из поля зрения исследователей выпадает связующее звено между далеким прошлым (к нему апеллируют очень часто) и настоящим — эпоха, в которой можно обнаружить зародыши многих явлений (как позитивных, так и негативных), в послеоктябрьский период получивших лишь дальнейшее развитие и окончательное оформление.

Примечания

² Угринович Д. М. Обряды. За и против. М., 1975. С. 43 и сл.

См., например: Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 254-268; Кремлева И. А. Об эволюции некоторых архаических обычаев у русских//Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 248—261.

³ Высочайший манифест//сшсов С. 1905 год в сатире и карикатуре. [Л.], 1928. Вклейка между стр. 40 и 41.

- ⁴ Урусов Н., кн. «Дни свободы» в Севастополе//Весник Европы. 1909. Кн. 2. С. 479; Левицкий В. О. Октябрьские дни 1905 года в Севастополе//Былое. 1925. № 4. С. 103.
- ⁵ Левицкий В. О. Указ. раб. С. 103.
- ⁶ Урусов Я., кн. Указ. раб. С. 479, 480; См. также: Левицкий В. О. Указ. раб. С. 103.
- ⁸ Левицкий В. О. Указ. раб. С. 103.
- ⁸ Орлов П. Русская революция 1905-1906. Давос, 1906. С. 65-66.
- Белый А. Между двух революций. Л., 1934. С. 47.
- „ Караманчев В. Пролетарская символика. М., 1978. С. 19.
- Дальман В. Октябрьские дни в Екатеринославе (Мысли и воспоминания)//Серп. Сборник первый. М., 1907. С. 214.
- ¹² Там же. С. 215. Несколько иначе описал этот эпизод М. Ратнер, опубликовавший свои воспоминания спустя 16 лет после похорон, когда отдельные детали уже могли забыться: «Я с товарищем несу на двух длинных шестах кусок марли, обильно пропитанной кровью одного нашего товарища, убитого на баррикадах. Я иду и кричу, кричу до хрипоты: "Это кровь наших товарищей, павших в борьбе с кровавым Николаем"». (Ратнер М. Мои записки//Шаги. Сб. пролетарского творчества. Екатеринослав, 1921. С. 73).
- ¹³ Рапорт Асхабадского уездного начальника от 6 июля 1905 г. за № 329 на имя начальника Закаспийской области о политической демонстрации на похоронах Стабровского//Начало революционного движения в Туркмени в 1900-1905 гг. Сб. документов. Кн. 2. Ашхабад; М., 1946. С. 92
- ¹⁴ Салтыкова Е. (Старостина). Воспоминания работницы «Прохоровки»//Красная Пресня (газ.) 23 дек. 1922. С. 2.
- ¹⁵ Миротеев И. Н. В Орехове-Зуеве//На баррикадах Москвы. Сб. воспоминаний, документов и материалов. М., 1975. С. 210.
- ⁶ Смирнов Вас. Народные похороны и причитания в Костромском крае//Тр. Костромского научного об-ва по изучению местного края. Вып. XV. Кострома, 1920. С. 33, 34, 54.
- ¹⁷ Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. III. С. 85, 87; Похороны Н. В. Стасовой//Памяти Надежды Васильевны Стасовой. СПб., 1896. С. 23-26 и др.; Скабичевский А. Из дневника старого критика. По поводу тридцатой годовщины смерти Ф. М. Решетникова//Русская мысль. 1901. Кн. VI. С. 96; Никольский Юр. Дело о похоронах И. С. Тургенева//Былое. 1917. № 4. С. 152; Телешов И. Д. Избр. соч. М., 1956. Т. 3. С. 310 (Москва прежде).
- ¹⁸ Успенский И. И. К воспоминаниям о Г. И. Успенском//Глеб Успенский. М., 1939. С. 435 (Летописи Гос. лит. музея. Кн. 4).
- ¹⁹ Там же.
- ¹⁹ Похороны Н. П. Шмита//Новь. 17 февр. 1907. С. 3.
- Муцник Г. А. Двадцать лет партийной работы. В Сибири и на Дальнем Востоке. М., 1935. С. 19; Шитов С. Так было в Красноярске//Новая Сибирь. (Альманах). 1957. Кн. 36. С. 278.
- Березовский Ф. Под звон кандалный. Новосибирск, 1971. С. 227, 228. (Таежные застрельщики. Воспоминания).
- ²³ 1905 год в Москве. Из воспоминаний И. Голубева//Красная нива. 1929. № 50. С. 6; Виноградов М. П. Миусовка//Красная Пресня в 1905-17 году (Сб. воспоминаний дружинников Красной Пресни 1905 г. и красноармейцев 1917 г.). М., 1930. С. 103.
- ²⁴ Горячева Е. Годы моей юности. М., 1968. С. 63; Миротеев И. Я. Указ. раб. С. 209.
- „ Козлов И. А. Коломенские большевики во главе масс//На баррикадах Москвы... С. 202.
- Беляченко П. П. Пережитое//1905 год в Царицыне (Воспоминания и документы). Сталинград, 1960. С. 75; Черкасинов Ф. Т. Воспоминания металлурга//Там же. С. 85.
- Траурная процессия формировалась у Путиловского завода, к которому сносили убитых. По свидетельству одного из участников похорон, «Гробы несли от Ушаковской церкви, Путиловской больницы. За гробами шли плачущие дети, жены, родители. Несколько тысяч рабочих собрались проводить товарищей в последний путь. Попов не было... Процессия двинулась под звуки революционного похоронного марша "Вы жертвою пали в борьбе роковой"». (Крауклис П. В пору предгрозовую. Из воспоминаний ветерана партии//Кубань. (Альманах). 1975. № 11. С. 89).
- ²⁸ См. о них: Смирнов Вас. Указ. раб. С. 34. По словам серпуховского текстильщика Г. Шевырева, в ноябре 1905 г. в Серпухове за такие панихиды рабочие платили 3 коп. (1905 год в Серпухове. Сборник воспоминаний о рабочем движении в Серпуховском уезде. Серпухов, 1925. С. 135).
- ?? Березовский Ф. Указ. раб. С. 229.
- Г" Там же. С. 230.
- Кантор Р. М. Харьков в октябре 1905 г. (Письмо участника событий)//Каторга и ссылка. 1925. № 6. С. 125; См. также: Шаповалов А. С. В подполье. М.; Л., 1927. С. 208.
- ³² Шаповалов А. С. Там же.
- ³³ Львов-Рогачевский В. Октябрьские дни 1905 года в Харькове (Из дневника)//Каторга и ссылка. 1925. № 6. С. 102-105.
- ³⁴ „ Русская жизнь. Серпухов//Московская газета. 13(26) ноября 1905. № 4. С. 5.
- [^] 1905 год в Серпухове... С. 127-129, 135-136.
- ³⁷ Русская жизнь. Серпухов.
- Антонов-Саратовский В. П. Красный год. М.; Л., 1927. С. 128; Лядов М. Я. На гребне революционной волны//На баррикадах Москвы... С. 22, 23; Черкасинов Ф. Т. Указ. раб. С. 85 и др.
- ³⁸ Кантор Р. М. Указ. раб. С. 126; Саркисов Г. Х. За рабочее дело (Воспоминания). Баку, 1966. С. 8.
- ³⁹ Антонов-Саратовский В. П. Указ. раб. С. 128; Дальман В. Указ. раб. С. 214-215; Осипов И. 1905 год в Нарве//Красная летопись. 1925. № 1. С. 80 и др.

⁴⁰ Плеханов Г. В. Русский рабочий в революционном движении//Плеханов Г. В. Соч. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 157.

⁴¹ Ширяева П. Г. Из истории становления пролетарских традиций (По материалам газеты «Искра» 1900-1903 гг.)//Сов. этнография. 1970. № 3. С. 24-26.

⁴² Донесение начальника Саратовского губернского жандармского управления в департамент полиции о первомайских беспорядках в Царицыне. 1906 г. 6 мая//1905 год в Царицыне... С. 164-165.

⁴³ Паялин П. П. Волжские ткачи. 1722-1918. М., 1936. Т. 1. С. 252—253 (Серия «История фабрик и заводов»),

⁴⁴ Шестернин С. П. Реализация наследства Н. П. Шмита//Великие, незабываемые дни. М., 1970. С. 305.

Лядов М. И. Убийство и похороны Баумана//На баррикадах Москвы... С. 21.

Арский П. А. Подвиг московских рабочих//Великие, незабываемые дни. С. 167.

⁴⁵ Неверов Т. Записки о прошлом. [Новосибирск], 1956. С. 37—38.

⁴⁶ Мирищев И. Н. Указ. раб. С. 209; Горячева Е. Указ. раб. С. 63.

Салтыкова Е. (Старостина). Указ. раб.

Ср., например: Гавен Ю. П. Январские события <Рига>//Великие, незабываемые дни. С. 30—31; Протокол допроса о манифестации при похоронах Стабровского 4 июля 1905 г.//Начало революционного движения в Туркмении... С. 99; Гольдберг См. То, что вспомнилось (Листки о 1905 г. в Иркутске)//Сибирские огни. 1925. № 4-5. С. 211; Осипов И. Указ. раб. С. 80; Норинский К. М. О Петре Монтине <Баку>//Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 30—31; Саркисов Г. Х. Указ. раб. С. 8, И.

⁵¹ Гавен Ю. П. Указ. раб. С. 30-31; Бригманас В. И. Начало борьбы//Коммунист (Вильнюс). 1955. № 12. С. 35.

⁵² Осипов И. Указ. раб. С. 80.

Протокол допроса о манифестации при похоронах Стабровского... С. 100, 101.

Кудряжский М. Владивосток в 1905 году//Минувшие годы. 1908. № 7. С. 27—28.

⁵³ Дальман В. Указ. раб. С. 215.

Гайдебуров П. А. Комнаты Н. А. Некрасова//Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 473; Вейнберг П. И. Последние дни Некрасова (Из моих воспоминаний)//Там же. С. 466-467.

Именно на такой порядок траурного шествия, как на традиционный, указывает И. И. Успенский, описывая похороны брата. (Успенский И. И. Указ. раб. С. 436). В сельской местности впереди духовенства несли распятие или икону и крышку гроба, за ним — гроб, сопровождаемый близкими родственниками. Замыкала шествие толпа знакомых и любопытных. (Смирнов Вас. Указ. раб. С. 33-34).

⁵⁸ Гайдебуров П. А. Указ. раб. С. 473; Засодимский П. В. Погребение Некрасова//Некрасов в воспоминаниях современников. С. 475.

⁵⁹ Мансвешвили Я. Воспоминания. Тбилиси, 1967. С. 42-43; См. также: Засодимский П. В. Указ. раб. С. 475.

⁶⁰ Тюменев И. Ф. Из дневника//Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1971 С. 341. (Литерат. наследство. Т. 86).

Успенский Б. Г. Воспоминания об отце//Глеб Успенский. С. 469.

⁶² Градовский Г. К. Из минувшего (Воспоминания и впечатления литератора. 1865—1897 г.)//Русская старина. 1909. № 3. С. 530.

Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. В 2-х томах. М., 1967. Т. 1. С. 396.

⁶⁴ Небезынтересно отметить, что в 1905 г. «Похоронный марш» можно было услышать и на похоронах лиц, не являвшихся жертвами царизма и вообще весьма далеких от революционного движения, но пользовавшихся любовью демократически настроенной части общества, в первую очередь учащейся молодежи. Так, например, летом 1905 г. гроб с телом русско-украинского писателя и историка Д. Л. Мордовцева, умершего в Кисловодске (похоронен в Ростове-на-Дону) «напутствовали пространенным в то время похоронным гимном», хотя «Д. Л. Мордовцев, дослужившийся до генеральского чина,— по словам современника,— был далеко не красный...». На характер похорон, по мнению мемуариста, повлияло то, что они происходили в разгар освободительного движения. (Кауфман А. Е. Даниил Лукич Мордовцев (Из личных воспоминаний и рассказов)//Историч. вестник. 1910. № 10. С. 230, 231). «Похоронный марш» временами звучал и в траурной процессии, 2 октября 1905 г. провожавшей к Николаевскому вокзалу скончавшегося в Петербурге ректора Московского университета князя С. Трубецкого. (Мицлов С. Р. Дневник/Голос минувшего. 1917. № XI—XII. С. 36).

⁶⁵ Лолицук Я. С. Песни первой российской революции//Сов. этнография. 1985. № 6. С. 6—7; Eadem. Rites as Social Phenomena//Soviet Papers for SIEF's Third Congress «The Life Cycle» (Zurich). М., 1987. Р. 98—104.

⁶⁶ Петровский Г. И. Страницы прошлого//1905 год в Донбассе. Из воспоминаний участников первой русской революции. [Сталине], 1955. С. 5.

⁶⁷ Знаменский С. И. События развернулись//На баррикадах Москвы... С. 96.

Московская хроника//Московская газета. 13(26) ноября 1905. № 4. С. 5.

⁷⁰ Коганицкий И. В борьбе со старым миром//Красная летопись. 1923. № 8. С. 167—168.

⁷¹ По губернии. Чистопольский уезд//Волжский вестник. 10 ноября 1905. № 3. С. 4.

Хроника местной жизни. Замечательный батюшка//Волжский вестник. 26 ноября 1905. № 16. С. 3.

По России. Мензелинск, Уфимской губ.//Волжский вестник. 11 декабря 1905. № 28. С. 4.
Московская хроника//Московская газета. 15(28) ноября 1905. № 5. С. 3.
Из жизни рабочих. У Цинделя//Московская газета. 17(30) ноября 1905. № 7. С. 4.
По губернии. Кинешма//Костромская газета. 11 июня 1906. № 32.

© 1991., СЭ, № 6

Л. Н. Пушкарёв

ЖИЗНЕННЫЕ ИДЕАЛЫ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В XVII В.

В советской историко-филологической и философской науке давно уже признано, что «народное миропонимание является существенным и своеобразным элементом истории демократической культуры, духовного развития человечества», что «народное творчество, рассматриваемое под социально-политическим углом зрения, как выражение дум и стремлений трудящихся, есть проявление их самосознания, мировоззрения и органически входит в сложный, противоречивый комплекс общественной мысли» \ В XVI—XVII вв. фольклор был почти единственной формой выражения сознания крестьянства².

Крестьянство же в России XVII в. составляло, как и в предыдущие времена, основную, преобладающую часть населения. Уже в силу этого характеристики его жизненных идеалов, общественных взглядов, мировоззрения важны и интересны и с научной, и с политической точек зрения. Однако по данному вопросу и по сей день высказываются прямо противоположные мнения. Так, историки (В. А. Александров, Н. А. Горская, М. М. Громыко, А. И. Клибанов, А. И. Копанев, Н. А. Миненко, Н. Н. Покровский, К. В. Чистов и др.) отмечают достаточно высокий для того времени уровень социального сознания русского крестьянина. Одновременно психологи (О. И. Зотова, В. В. Новиков, Е. В. Шорохова) утверждают, что одной из самых характерных черт для русского крестьянства тогда было «отсутствие каких-либо общественно-политических потребностей и интересов, безразличие к тому, что происходит за пределами деревни»³.

Да, крестьяне жили замкнуто, случалось — голодали*, они были бесправны и «придавлены зависимостью». Но думать, что вся духовная энергия русских крестьян в XVII в. направлялась только на удовлетворение их первейших жизненных потребностей, неверно. Для крестьянина XVII в. характерен и интерес к «общему делу», как отмечал М. М. Богословский, — к общинному (земскому) самоуправлению. Широко известно, что с традициями общинной жизни приходилось считаться даже государству: весь строй русской сословно-представительной монархии базировался на сотрудничестве (порой, правда, вынужденном!) центральных органов власти с общинными организациями государственных крестьян, а на Юге — с казачьим самоуправлением и т. д. Выборные мирские организации участвовали в судебной и финансовой деятельности местных властей. Вплоть до второй половины XVII в., земщина, рожденная вместе с опричниной в XVI в., сохраняла свои позиции в общественно-политической жизни страны⁶.

О нравственном и умственном кругозоре массы крестьян говорят «прекрасные образцы народного красноречия» (А. С. Пушкин), устного творчества (в XVII в. преимущественно крестьянского), народного вольного слова, примеры крестьянского прикладного искусства и т. д.

Главное же заключается в том, что крестьянин, даже не осознавая до конца своего приниженного положения в обществе, хранил в своем сознании высокие нравственные идеалы доброты и великодушия, милосердия и сострадания, совестливости, честного отношения к труду⁷, имел строгие нравственные устои в семье, прямо связанные с христианством в его ортодоксальной форме. Традиционные нравственные представления и нормы поведения всегда являлись величайшим достоянием русского народа. Они вырабатывались веками и сохранялись на века. В пределах статьи невозможно даже перечислить богатство и разнообразие